

УДК 13.130.1

Черниенко В. А.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП

У статті розглянуто проблему формування та трансформації ідентичності. Показано функцію ідентичності як організуючого принципу. Проаналізовано особливості зміни традиційних ідентичностей. Зроблено висновок про евристичність конструктивістської парадигми у сфері формування перспективних ідентичностей.

Ключові слова: ідентифікація, ідентичність, маргінальність, транзитивність.

The problem of formation and transformation of identity is being considered. The function of identity as principle which organize has been shown. Peculiarities of traditional identities' change are being analyzed. Conclusion is made about heuristic of constructiveness paradigm in the sphere of perspective identities' formation.

Key words: identification, identity, marginality, transitiveness.

Обществоведы определяют современное общество, общество технологий, как общество риска. Сегодня опасности исходят от воплощенных решений и поэтому выражаются в виде рисков. Характер рисков сознателен. Риск как решение ведет к нестабильному состоянию в будущем. Современное общество именно потому и представляет собой общество риска, насколько оно все опасности интерпретирует в качестве риска и через его посредство порождает огромную потребность в принятии адекватных решений. За принятие свободных решений надлежит ответственность. От стихийности к сознательности, от отчужденных форм поведения к свободе – таков исторический тренд. Однако неравномерность общественного и индивидуального развития ставит проблему – как объединить новые технологии и мифы, научную (универсальную) и общинную (групповую) идентичности, страсти и разум. Сознательная синхронизация действий людей посредством идентификации/идентичности является прогрессивной традицией. Ни одна легитимность не возможна без идентификации/идентичности. Сегодня идентичность исследуют как объект социального проектирования и конструирования. Эти исследования восходят к наиболее интересующей постмодернизм проблеме – «власть через язык и посредством языка».

Современные аспекты проблемы идентичности разрабатывали многие авторы. Разработку проблемного поля идентичности начали западные исследователи – Э. Эриксон, Ч. Тейлор, А. Гидденс, П. Рикер, А. Макинтайр, Ю. Хабермас. Российские ученые В. С. Малахов, Г. Л. Тульчинский, Е. Н. Данилова, В. А. Ядов внесли существенный вклад в понимание новейших аспектов проблемы. Среди украинских ученых следует отметить Т. С. Воропай, А. В. Тягло, Г. В. Гребенькова, К. М. Узбек. Разработанность темы, однако, далеко неполна, например, в аспекте роли идентичности в деле интеграции/деинтеграции современных социальных общностей, что делает наше исследование актуальным.

Целью статьи является обоснование идентичности как организующего принципа.

В гуманитарной мысли сложились определенные представления об идентификации/идентичности. Идентификация есть бессознательное отождествление субъекта с объектом (З. Фрейд). Идентичность есть всеобщность бытия (М. Хайдеггер). Персональная идентичность есть результат индивидуализации человека; социальная идентичность есть самоотождествление человека с социальными стандартами, ценностями, идеями (Э. Фромм). «Я-идентичность» есть процесс организации личностного и социального переживания жизни индивида (Э. Эриксон). Структура «я-идентичности»: социальная идентичность (горизонтальное измерение) – возможность выполнять различные требования в ролевых системах; личностная идентичность (вертикальное измерение) – связность истории жизни (Ю. Хабермас). Идентичность – это два полюса, с одной стороны, абсолютный конформизм, с другой, – замкнутость на себя (Э. Гидденс). Под идентичностью понимают процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе совокупности значимых культурных свойств (М. Кастельс). Идентичность рассматривают как проблему границ человеческого «я», которая совпадает с границами его свободы и ответственности (Г. Л. Тульчинский). Идентичность определяют как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности людей «своей» общности (А. В. Баранов).

Как отмечает А. Н. Литвиненко, взаимодействие индивидуального и надиндивидуального начал выступает постоянно обновляющейся оппозицией личностно-творческого и надличностно-регламентирующего факторов развития. Индивид выступает источником избыточности, социальная же институциональность регламентирует эту избыточность [1, с. 242]. Действительно, такая исторически конкретная регламентация вносит организующее начало и направлена на выживание, прежде всего, самого социума. Здесь индивид – средство, общество – цель. Сознательная борьба современных гуманистов стремится перевернуть отношения, а именно сменить приоритеты: общество – средство, индивид – цель.

Исследование идентификации не аналогично анализу идентичности. Идентичность включает в себя различные аспекты, а идентификация – описание таких аспектов (В. С. Кирпичников). Идентичность есть результат, ставшее, отстаивание и защита себя; идентификация – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций установок (М. В. Заковоротная). Поэтому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности. Идентичность есть ансамбль идентификаций, их включение в единое уникальное целое. Эта целостность вообразается субъектом.

Таким образом, ученые выделяют два аспекта идентичности: личностный и социальный. Личностный аспект полагается вторичным по отношению к социальному, то есть идентичность социальна по происхождению. Идентичность, как структура, динамична на протяжении жизни человека. Эта динамика обусловлена не только социальными изменениями [см., например, 2].

Осознание объективной логики мировой истории выводит на принципиально

иной уровень вопрос о природе формирования идентичностей. Группоцентристские феномены (например, этнонациональные) в контексте самоопределившихся процессов глобализации могут рассматриваться научным сознанием как процессы архаичные, деструктивные, как реакция.

Деструктивный характер идеологии идентичности «свой – чужой» отмечают многие исследователи. Покажем это на примере их высказываний по предмету: «они» или «не-мы», то есть немые. В группоцентристском враждебном сознании – это существа, не обладающие человеческой речью, поскольку чужая речь не может считаться таковой (Б. Ф. Поршнев); сплоченность – это организованная ненависть (Д. Чампен); нация есть сообщество людей, которых объединяют иллюзии об общих предках и общая ненависть к соседям (У. Индж); националисты не могут быть довольны до тех пор, пока не найдут кого-нибудь, кто их обидит (В. Вейднер). Но надо отметить и оборотную сторону конструирования образа врага («против кого будем дружить?»): конструирование образа коллективной идентичности, организующего людей по принципу «обиженных» зачастую является оптимальным фактором выживания. Эта практика становится традицией.

Как отмечает российский ученый Ю. К. Волков, коллектив как носитель общности складывается лишь тогда, когда на основе фактического неравенства индивидов возникают отношения некоторого формализуемого наиндивидуального равенства. Индикаторами такого равенства выступают конкретные вещи, люди и отношения, обозначаемые обобщенными знаками, символами. Таким образом, реальным субъектом общения становится не сам индивид, а символы представляемой им группы, связанные с половыми, возрастными, этническими и другими естественными дифференциациями. При этом главным, эмпирически наблюдаемым признаком «подставных» отношений представляемого индивидом «изолированного» видового статуса становятся обозначенные знаком эмоционально-когнитивной оценки «свой – чужой» реалии отношений сотрудничества и борьбы [3, с. 48].

Те, кто сегодня оперируют этнонациональными идентичностями, понимают под ними изначальные сущности метафизических (здесь: идеалистических) пережитков. Они демонстрируют реифицирующее, гипостазирующее, эссенциалистское мышление, превращающее изменчивые отношения в неизменные сущности. Здесь абстракции принимаются за вещи. Этнос, нация понимается как нечто изначально данное, всегда-уже-присутствующее. Она есть субстанция, ждущая своего развертывания. Она есть сущность историцистов-этнонационалистов.

Теоретикам известно, что мировоззрение есть ядро личности. Решение же мировоззренческих проблем всегда партийно, а не нейтрально по отношению к борьбе сил прогресса и реакции, творческих сил обновления мира и косных сил традиции. В этом контексте абсолютизация риторики идентичности показывает связь научного и политического дискурсов с определенной политической практикой. Ангажированные теоретики подстраиваются под мнения и предрассудки власть предержащих. Для последних этнос или нация – это не просто продуктивная фикция, необходимая в целях политической легитимации, но и обладающая определенной реальностью целостность (например: американцы, русские, украинцы), от имени

которой можно свой частный интерес выдавать за всеобщий и которую можно при случае использовать в качестве «пушечного мяса».

Так, например, распад СССР оставил гетерогенное в культурном и этническом отношении маргинальное образование. Для политических элит постсоветского пространства нация выступает как высшая инстанция, прежде всего, их (элит) суверенитета и предельное основание их легитимности. Именно поэтому, несмотря на огромные антигуманистические издержки в срочном порядке фабрикуются национальные идентичности. Российский ученый В. С. Малахов так резюмирует свой анализ политики фабрикации идентичности: «За фабрикацией идентичностей в политической практике стоит их гипостазирование в политической теории. "Идентичность", понимаемая в качестве субстанции, не подверженной изменению сущности, – фантом, заметно влияющий как на мышление, так и на поведение вчерашних обитателей социалистического общежития. Как бы ни отличались друг от друга приверженцы централизма и сторонники сепаратизма, у них есть, по меньшей мере, одна общая черта – непоколебимая вера в обладание такой квазисубстанциальной идентичностью. И те, и другие готовы мириться со всеми неудобствами, с которыми подобная вера сопряжена» [4, с. 52].

Идеи и верования всех мастей всегда наготове, ожидая только искры в подходящих обстоятельствах. Однако проявляет себя и прогрессивная тенденция, тенденция Просвещения, то есть обмирщения ключевых общественных отношений, результатом которой является монополизация и десакрализация умственного труда. Осознание этого движения позволило Ж.-Ф. Лиотару определить постмодерн как недоверие к метанарративам [5, с. 16]. Именно с этих позиций современные исследователи готовы понимать социальные отношения таким образом, что какую бы шкалу мы ни выбрали, это не просто теория коммуникации, но теория игр, которая допускает полемику как основополагающий принцип [5, с. 19]. Правда, полемикой дело не заканчивается. Плюрализм мнений ведет к легитимации знания.

Российский ученый О. Б. Вайнштейн удачно, на наш взгляд, выразил тенденцию трансформации тоталитарной («параноидальной») метафизики идентичности к плюралистичной («шизофренической»): «Если раньше в процессе развертывания знаковой цепочки можно было с уверенностью ожидать, что рано или поздно появится финальный все объясняющий концепт, то теперь уже не так просто сослаться на какую-то традиционную центрирующую мифологему. Было принято говорить: пусть данное явление значит то-то и то-то, а в итоге, оказывается, за этим скрывается имя Бога, Бытия или Смысл жизни, Природа, Истина, в зависимости от ценностного контекста – всегда отыскивается таинственный сакральный центр, генерирующий вокруг себя вращение интеллектуальной энергии. Сейчас, когда философское доверие к подобным центрирующим мифологемам утрачено, потребовался совершенно иной тип организации научного сознания, который оперирует не отдельными смысловесущими единицами, а отношениями, пучками различий» [6, с. 6].

Первые попытки преодолеть «параноидальное», «метафизическое», «идентификационное» мышление делались в начале XX века. В 1933 году

А. Кожибский предложил исключить из английского языка «идентификационный» глагол «является». В 1949 году Д. Дэвид Борланд-младший предложил запретить вообще все формы слов «быть» и «является», что привело бы к появлению нового языка, в котором совершенно отсутствовала бы «идентификационность». Этот предполагаемый язык Борланд назвал «Я-прим», то есть «язык-прим» (оригинальное его название – English-Prime, или E-Prime) [7, с. 105–106]. По мнению Борланда, «Я-прим» (язык операционализма и экзистенциализма) решает многие сложные проблемы современности, на что не способен стандартный язык с его «идентификационностью».

Сложно сказать, насколько убедительны подобные опыты. Существенны не практические опыты, а теоретическое обоснование снятия идентификационного (параноидального) мышления. Сегодня это не просто мода, а осознание объективного тренда современности, который уже философски отразил Гегель: «цель» истории есть эмансипация субъекта от всяческой зависимости со стороны объектов (читай: идентификаций/идентичностей). Следовательно, под вопрос ставится сам субъект. Тема «смерти субъекта» пронизывает постмодернистский дискурс.

Продолжая тему «современного общества как общества риска», российские ученые Е. Н. Данилова и В. А. Ядов отмечают, что ближайшее окружение индивида – семья, друзья, коллеги – образует устойчивый базовый комплекс социального самоопределения. Идентификация с большими общностями нестабильна, тем более нестабильны политические идентичности [8, с. 27]. Исследователи полагают, что в современном динамичном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. Они предлагают формулу своего подхода к исследованию нестабильной идентичности – «КЛН-идентификация», то есть контекстуально-лабильная идентификация как социальная норма [8, с. 30].

Считаем оптимальным при исследовании нестабильной идентичности использовать терминологию социомаргиналистики. С этих позиций маргинальность можно определить как невозможность однозначной самоидентификации социального субъекта. Отметим, что таким разорванным, расщепленным самосознанием обладали уже древние космополиты. Транзитивные (переходные) общества являются кузницей маргиналов.

Действительно, система стратификации транзитивных обществ теряет былую жесткость и однозначность: размываются границы между социальными группами, возникает множество промежуточных, маргинальных, трудно идентифицируемых групп. Маргинальные индивиды как бы «зависают» между социальными группами, не могут однозначно самоидентифицировать себя.

Российские ученые З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, И. В. Казаринова полагают, что в транзитивных обществах идентичность человека формируется по следующим направлениям: 1) преодоление инерционности субъективных характеристик социально-структурных процессов, их подверженности влиянию многолетних идеологических стереотипов; 2) отказ от унификации форм идентичности; 3) переход к более самостоятельному субъективному суждению; 4) высокий динамизм оценочных суждений, связанных непосредственно с динамичностью ситуации в

целом; 5) мультипликация этих суждений, определяемая как факторами социально-статусных позиций индивида, его социальной и конфессиональной принадлежности, так и формирующейся новой системой социальной иерархии [9, с. 12–13].

В эпоху глобально доминирующего капитализма все больше пролетариев (наемных работников физического и умственного труда) лишается отечества («этнопочвы», «этносубстанции»), то есть переходят от «жесткой» (параноидальной) к «мягкой» (шизофренической) идентичности – становятся маргиналами-космополитами, следовательно, более цивилизованными существами.

Действительно, капитализм стремится к универсальности развития. Известно, что еще в конце XIX века американские идеологи выдвинули доктрину «подвижных границ», воплотившуюся впоследствии в политику открытых дверей в глобальном масштабе. Было заявлено, что США не имеют установленных границ и что их границы подвижны. Американские власть предержащие провозгласили право и долг США внедрить свой режим идентичности в глобальную практику. Но правда состоит в том, что капитализм и стремится к универсальности развития, и не может ее обеспечить.

Серьезные поражения, понесенные организованным пролетариатом «Севера» в последней четверти XX века, способствовали укреплению убежденности в том, что современные общества не могут быть поняты при помощи классовой теории, следовательно, классовой идентичности. Постмодернизм был наиболее влиятельной попыткой теоретического обоснования этой убежденности, предложив образ фрагментированного мира, в котором мобильные индивиды образуют множественные и меняющиеся идентичности, оторванные от производственных отношений. То, что «пролетариат не имеет отечества», ничего не меняет. Алекс Каллиникос полагает, что вера в то, что классу пришел конец, всегда была ложной, а сейчас она окончательно похоронена [10, с. 107]. Ученый убежден, что капитализм лучше всего рассматривать в соответствии с логикой, впервые описанной К. Марксом [10, с. 74].

Понятие отчуждения, которое служит одной из основных тем марксистской критики капитализма, предполагает противопоставление подлинного субъекта и существующих общественных отношений, препятствующих его самореализации. Социальная критика была тем видом дискурса, на который постмодернизм стремился наложить запрет. Философы-постмодернисты заменили отношения: все, что раньше переживалось непосредственно, стало отстраняться в перформанс – представление. Концепция подлинности стала предметом интеллектуальных нападок со стороны философствующих интеллектуалов – Ж. Делеза и Ж. Деррида. Ж. Бодрийяр – глашатай деконструкции подлинности – утверждал, что критическая мысль и политическая борьба устарели в обществе – обществе даже не спектакля, а симулякра – иллюзии. В известной мере работы этих придворных философов по дискредитации основного вопроса философии способствовали победе неолиберализма. Однако возрождение антикапиталистических дискурсов и движений знаменует собой крах гегемонии, которую постмодернизм установил над передовой мыслью последних двух десятилетий [10, с. 19]. Это может привести со временем к неактуальности политики идентичности. Универсальные принципы бытия людей уже не должны

восприниматься как рационализация и диктат мировоззрения особой группы. Создавать глобальное движение против глобального капитализма – значит обращаться ко всем, значит бороться за универсальную систему, в которой может цвести разнообразие. Заметим, что гетерогенность материи есть ее фундаментальное свойство. Этот факт может раздражать и злить только человека, стоящего на известной ступени исторического развития.

Идеологическое нивелирование постмодернистами марксовской категории «отчуждения как товаризации» (отчуждение – отношение к продуктам производства в отрыве от их производителей и от процесса производства, то есть как к товару, человеку-товару, человеку как существу, и духовно и физически обезчеловеченному) привело к абсолютизации категории «перформанса как притворства» (performance – искусство действия, а именно способность человека играть роль, притворяться, представлять (to perform), то есть быть одновременно и тем, «кто мы есть», и тем, «кем мы становимся / кем мы не являемся»).

Фред Ньюмен отмечает потенциал перформанса: «Ироническое, но освобождающее понимание того, что фундаментальная "реальность" людей состоит в том, что они – "притворщики", лежит в самой сердцевине перформативного подхода к социальной терапии... Этот неэссенциализирующий подход подрывает тотализирующее отождествление "я" с любой заданной ролью и дает толчок основанным на деятельности инициативам, побуждающим сообщества личностей выходить за пределы ограничивающих сценариев, предлагаемых господствующими общественными институтами» [цит. по: 11, с. 32–33].

Но все не так просто. И животные умеют притворяться, поскольку умеют представлять, а некоторые из них (например, слоны и высшие обезьяны) узнают, то есть идентифицируют себя в зеркале. Притворство притворству рознь. Вспомним замечание основателей марксизма (см. «Немецкая идеология», 1845–1846) о том, что индивиды-реакционеры, во множестве образующие общество (особенно традиционное), стремятся сохранить свою «особенность» (реакционность), что они желают остаться тем, что они есть (то есть реакционерами), требуя в то же время от общества принципиального изменения, которое может возникнуть лишь из их собственного изменения.

Однако, так или иначе, для транзитивных обществ политический дискурс имеет особое значение в плане самоопределения, самоидентификации. Именно в транзитивных обществах самоидентификация является предметом и рефлексии, и конструирования. Интеллектуальная элита этих обществ занята проблемой конструирования (а то и изобретения) приемлемых идентичностей. Так, современный, переходный этап глобализации трансформирует национальную идентичность из базовой в рядоположенную; национальная идентичность превратилась из предопределенной судьбы в вопрос выбора, выбора осознанного и рефлексивного [12, с. 126].

Социокультурные проявления глобализации ведут ко все большему распространению «многосоставной» (multiple) идентичности. Это заметно на практике формирования региональной идентичности. Региональная идентичность

сильна и выдвигается на первый план особенно в странах неоднородного пространства «многосоставных обществ» [13, с. 24]. Наиболее далеко продвинулся регионалистский проект Евросоюза. Убеждены, что впереди нас ждут исследования, направленные на поиски оснований, способных «сверху», идеологически способствовать формированию еврорегиональной идентичности, выполняющей функцию организующего принципа, так же как когда-то это делала идентичность «советский народ».

Радикальное мнение конструктивистов в деле формирования идентичностей находит все больше сторонников. Действительно, если любая идентичность есть результат воображения (факт сегодня неоспоримый), то почему бы не поработать социальным инженерам над перспективными символами идентичности. Уже средневековые алхимики-метафизики показали вероятностный характер формирования идентичности. Еще ранее буддисты-хинаянисты догадывались об иллюзорности любой «я-идентичности». Современная неклассическая, неэссенциалистская, бессубъектная антропология пытается выстроить свой дискурс именно на этих основаниях [2].

Таким образом, идентичность выполняет функцию организующего принципа. Это есть фактор выживания социального субъекта. Ранее этот процесс протекал стихийно. Современная осознанность этого движения позволяет манипулировать им. Но недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли. Только тогда теоретическое сознание переплавится в общественное бытие. В известном смысле современная социокультурная революция это демонстрирует. Впереди предстоит работа по реконструированию родовой идентичности (*species identity*) в духе К. Маркса. Здесь необходимо решить непростую задачу: как сосредоточиться на коллективной деятельности (идентичности), не поработавшая ею индивида.

Литература:

1. Литвиненко А. Н. Проблема идентичности в мультикультурном обществе // Наука. Релігія. Суспільство. – Донецьк, 2006. – № 2.
2. Хоружий С. С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
3. Волков Ю. К. Естественноисторические предпосылки оппозиции «свой – чужой» на ранних стадиях социогенеза // Философия и общество. – 2006. – № 3.
4. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2.
5. Лиотар Ж.-Ф. Ситуация постмодерна // Философская и социологическая мысль. – 1995. – № 5-6.
6. Вайнштейн О. Б. Постмодернизм и культура. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1993. – № 3.
7. Уилсон Р. А. Квантовая психология: Пер. с англ. – К., 1998.
8. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. – 2004. – № 10(246).
9. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д., Казаринова И. В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социологические исследования. – 1996. – № 8.
10. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. – М., 2005.
11. Хольцман Л. Как сделать постмодернизм деятельностью // Вопросы философии. – 2006. – № 12.
12. Голиков А. С. Мир изменяющихся идентичностей: трансформации национальной самоидентификации в условиях пограничья // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – 2006. – № 723.

13. *Баранов А. В.* Региональная политическая идентичность: методы исследования в Западной Европе // Социальная политика и социология. – 2006. – № 1(29).